

Палитра

Живет планета без него...

О СВОЕЙ РАБОТЕ

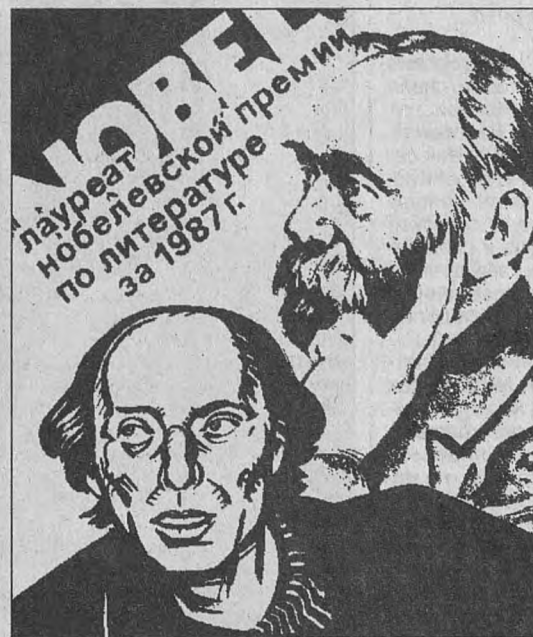
Леонид КОЗЛОВ

Несколько лет назад мне было сделано предложение проиллюстрировать сборник стихов Иосифа Бродского. Время резко менялось, как всем нам казалось, к лучшему. И открытая встреча с гонимым совсем недавно "родным" нобелевцем была желанной и естественной. Перечитав строки его четкой и безупречной по ясности поэтической мысли, я с первого же мгновения столкнулся с проблемой проблем, которую ни одному художнику за все времена обойти не удалось: как проиллюстрировать слова поэта, чтобы эти слова, переведенные в визуальный ряд, были именно его, а не создателя рисунков? И если мысленно окинуть библиотечные россыпи поэтических книг, где состоялся альянс поэтической строки и графической линии, все же трудно будет найти идентичность стиха и его рисованного перевоплощения. Это — вполне естественное явление: каждый иллюстратор субъективен. Со своим видением мира, литературных образов, поэтических метафор. Единственная возможность "попасть" в высокую строку — это быть на ее уровне. Вспомним классический, хрестоматийный пример "Божественной комедии" Данте и выдающиеся иллюстрации к ней художника уже из другого столетия Гюстава Доре. Рядом — два великих имени, достойных друг друга. Но каждый создал свое искусство, равное по силе, соединенное между собой прежде всего духовно. Или поэма уже из нашего времени — "Василий Теркин". Александр Твар-

довский и Орест Верейский: два способа самовыражения поэзией и кистью иллюстратора глубоко индивидуальны (каждый из нас, правда, если бы мог, написал бы своего Теркина и увидел бы его по-своему).

Как все же приблизиться к поэту, передать неповторимость именно его, а не своего восторга или, наоборот, его, а не своей боли и неудовлетворенности? Как, образно говоря, вложить в руки поэта кисть и

поставить перед ним пузырек китайской туши, чтобы он... сам себя проиллюстрировал? Почему так интересны рисунки Пушкина, Тургенева, Достоевского, Сент-Экзюпери — их творчества едины. Но чаще всего в большинстве случаев случаи эти единичны. Поэтому я решил пойти иным путем, вкрапывая в стихотворную строку по возможности мгновения из биографии Бродского — ведь о чем бы ни писал любой из литераторов, в конечном счете это линии его автопортрета. И "автобиография" Бродского начинается с обложки:

ИОСИФ
БРОДСКИЙ

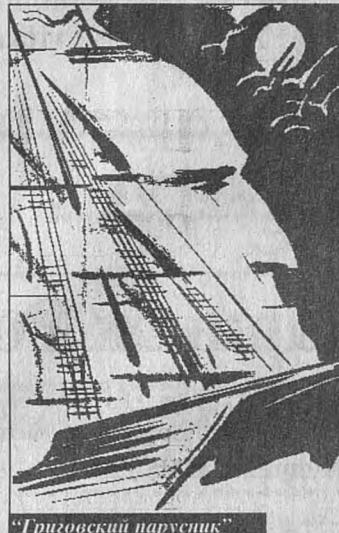
"Очередной трагический нобелевец нашего Отечества"

два портрета — век XIX и век XX — шведский инженер-химик А.Б.Нобель и наш современник, лауреат самой престижной премии — Нобелевской.

Человек с чемоданом — прощай, капризная Родина! Но разве уедешь, улетишь от нее?! Все равно увезешь пожизненно ее — не в чемодане, а в душе. И никогда ее, Родину свою, оттуда, из глубин души, не выбросишь, не забудешь, сколько бы кровотокащих страниц — суд, ссылка, непонимание общества — ни несла избирательная и жестокая память.

Летит наша планета в космическом пространстве. На одной ее стороне зажжены огни ростральных колонн, а на другой — в своей нью-йоркской квартире поэт, который никогда не увидит родных огней родного города, так его обидевшего и так и не дождавшегося возвращения "пророка в свое Отечество".

Работал над книгой я с упоением несколько недель, полиграфический срок был очень жестким. Книга вышла из печати. И так случилось, что из Америки прилетел друг моей кинематографической юности,

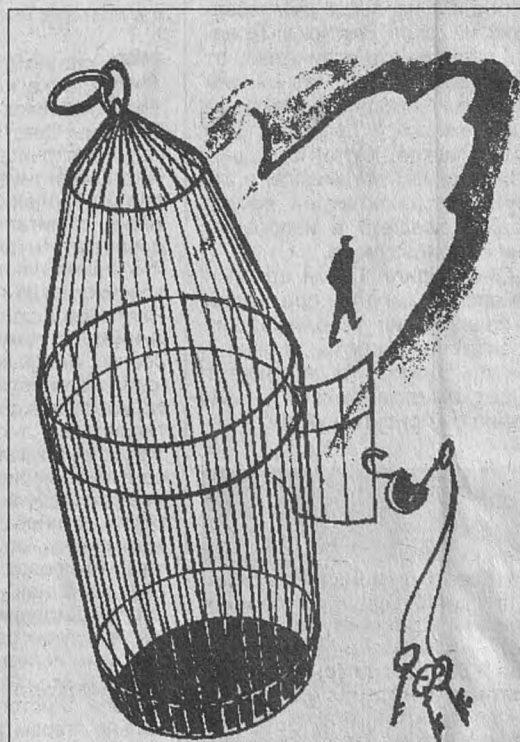
с которым меня соединяла не только глубокая человеческая симпатия, но и совместная профессиональная работа на "Мосфильме". Кинорежиссер Михаил Богин. Во время одного из наших разговоров он обронил фразу, что там, за океаном, у него есть свой душевный островок, "малая Родина" — Михаил Барышников и Иосиф Бродский, и у меня мелькнула мысль: передать через Мишу несколько экземпляров своей книги, с тем чтобы одну из них поэт вернул со своим автографом.

Шереметьево, отлет... Ожидание письма, взамен которого на экране телевизора мелькнуло лицо моего кинематографического друга... на панихиде великого поэта. Бродского не стало!

Изменился мир после его ухода? Нет! Так же воюем, так же не умеем дружить, так же не понимаем своего величайшего человеческого предназначения жить в мире и созидании. Значит, то, к чему всем сердцем призывал поэт, по сути своей холостой выстрел?

*До свидания, стихи. В час добрый.
Не боюсь за вас: есть средство
вам перенести путь долгий;
милые стихи, в вас сердце
я свое вложил. Коль в Лету
канет, то скорбеть мне перу.*

Но когда-то же мы, земляне, станем лучше, умнее, добрее, тоньше! И тогда нас ждет новая встреча с Иосифом Бродским, который сегодня опередил многих из живущих в доброте, мудрости и бесконечной влюбленности в такую противоречивую и колючую Жизнь.

"Наконец, свобода!"